

Nihilium

Магистр Тени Нихиллим

ДУША

Сборник стихов

Soul

Магистр Тени Нихиллим
Душа. Сборник стихов

«Издательские решения»

Магистр Тени Нихиллим

Душа. Сборник стихов / Магистр Тени Нихиллим —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936655-9

Эта книга формировалась в течение многих лет, начиная с раннего детства до глубокой зрелости автора. Поэт является участником множества литературных конкурсов, автором нескольких книг и членом Российского Союза Писателей. Так же, как из песни не выкинешь слов, так из этого сборника — он не отринул стихи своего раннего творчества. Это далеко не первая его книга, однако, этот сборник особенный, так как вобрал в себя наиболее полное издание стихов для оценки изменения творческого потенциала.

ISBN 978-5-44-936655-9

© Магистр Тени Нихиллим
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Туман	9
В поисках смысла	10
«Разбит сосуд души, осколки не склеить изнова...»	11
О РПЦ	12
Молчи! Не нужно пылких слов	13
Убийца	14
Ветер	16
Тень	17
Четверо	18
Тень прошлых чувств	19
Маме	20
Менялы	21
Просьба у времени	22
Я еще помню	23
Пьеса	24
Крик Души	25
Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне	26
Я ревную	27
Эйфория	28
Коля Бундестаг	29
Герой	30
Горизонты познания	31
Старик	32
Я знаю, ты думал, все будет иначе	33
Маркиза	34
1987	35
Дождь	36
Война	37
Прозорливый царь	38
Письмо	39
Полет	41
Скорбь	42
Игры Пупенмейстера	43
Грусть шахтера	45
Черные птицы	46
Весна	47
Неповторима	48
Постскриптум	49
Любовь	50
Осень	51
Характер	52
Оставив позади	53
Первый	54
Мы надеемся стать кем-то выше	55
Пропасти глубоки	56

Ход мыслей	57
Закат	58
Закон Владык	59
Перон	60
Осень	61
Бабочка	62
Христово отвращение	63
Тревога	64
Моей любимой	65
Пламя любви	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Душа Сборник стихов

Магистр Тени Нихиллим

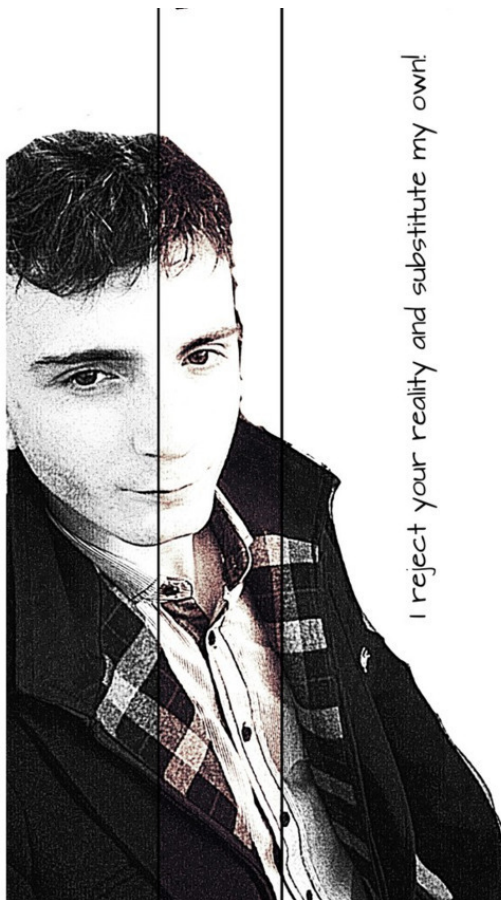
Корректор Снежанна Рыж

© Магистр Тени Нихиллим, 2018

ISBN 978-5-4493-6655-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Нынешнее время ознаменуется тем, что все меньше людей продолжают думать. Мы с вами столь часто слышим фразы «Будь проще», «зачем тебе это все?», «пойди лучше выпей пиво и расслабься». Сколь же это низменно интеллектуально, духовно, этически. Мало кто задумался над тем, что мы уже стали куда как проще. Нынешнее поколение не думает о космических кораблях и далеких звездах, в нас нет романтики, пылкой любви и умения мечтать, а «безбожный СССР», был куда выше морально, чем так называемое светское государство современной России, полное безнравственной вседозволенности. Быть проще – это девиз современной деградации и упадочничества культуры, в котором человек выступает продуктом интеллектуального распада. К сожалению, в современной литературе тоже проскальзывают данные тенденции. Многие авторы забыли, что современный сленг, равно как и язык, не достоин быть применим в классической, исторической, художественной и научной литературе. Мне глубоко стыдно за тех деятелей культуры, что позволяют себе закрывать дорогу настоящим талантам, публикуя откровенную бездумную ересь, прячась за мнимыми титулами и положением в обществе. А так же за издательства, которые стремятся любым удобным способом нажиться на авторах. Скажу вам, господа, что настоящий человек искусства – не ищет для себя богатства, он пишет для себя (живет и дышит своим творчеством) и делится своим творчеством с окружающими, слушает мнения критиков и аудитории – дабы расти, как творческая личность и писатель, стремясь к новым горизонтам. А его мечты достаточно скромны – иметь возможность любому автору публиковать свои творения бесплатно, если они имеют литературную ценность в глазах их читателей, а не в глазах надменных и продажных узурпаторов творчества.

Мой авторский псевдоним -Магистр Тени Нихиллим.

Да и так ли важно настоящее имя? Город, в котором ты родился или твоё место в обществе? Разве за это читатель ценит автора, выбирая его стихи и прозу? Отнюдь... посему и я прошу судить лишь сами стихи – ни что иное, как зеркало души поэта и писателя. И не нести обиды на того, кто хочет остаться инкогнито, используя лишь псевдоним. Здесь не найти повседневные стихи о мелочах и жизненных безделицах, большинство стихов имеют иное предназначение – быть отражением восприятия этого Общества и Мира в целом, душой и глазами автора.

Туман

Он невесомый, когда думает о ней,
Касаясь крыш стопой, в неторопливом танце.
Преображаясь в свете фонарей,
Не упустить желает выпавшего шанса.
Повис над ней, столь ласков и игрив,
Даруя вновь свои скупые поцелуи.
И нежно талию земли, руками обхватив,
На этот миг собою околдует.
Его камзол, весь дымкою клубит,
Как наваждение мечт в стране Морфея.
И он, что сон, свободно так парит,
Свою любовь столь ревностно лелея.
Придет восход и расставания час,
С лучами первыми опять ознаменует.
И потому роса, что плачь влюбленных глаз,
Палитрой слез по щек холсту рисует.

В поисках смысла

Легкие сжаты в тиски абстракций,
В них потаенные страхи имеют вес.
Колют решимость шипами акаций,
Кровью ее перепачкался весь.
Хворь слабоволия – вирус стойкий,
Ее метастазы одни – хандра.
А у печали привкус кофе горький,
Что наедине выпиваешь с утра.
Ставни глазниц распростерты в небо,
Ищут присутствия его следы.
Взирая в места, где он и не был,
В каждой из туч видя рая сады.
Разум – плут, над этим не властен.
Снова промах, судьбы настал ход,
Порох терпения взлетает на части,
Ведь с этим прожит еще один год.

«Разбит сосуд души, осколки не склеить изнова...»

Разбит сосуд души, осколки не склеить изнова.
Деструкция частей тела обозрима на глаз.
Демон мой напомнил ребенка капризного,
Тянет жадно ладони большие сейчас.
Сердце стучит, угасая, в тиши найдя идола.
Знал бы, как трудно дается теперь каждый вздох.
Книга открыта и в ней мое имя -лишь литера,
Росчерк пера под ней плавно подводит итог.
Демон рычит, перевес ему явно не нравится
И от досады с жестокостью мучает плоть.
Бьюсь в агонии, значит мой демон играетя,
Вскоре я буду протухшего мяса ломоть.
Птицы слетелись на трапезу, почуют падалью,
Впрочем, а кто я, еще так бесцельно прожив?
Даже сейчас, ты всмотришь, сколько яда лью
За свою грешную жизнь, умудрившись скопить.
Только они и трава во мне видят хорошее,
Вобрав для свершений, частицей, мое естество.
Я перестал для всех быть тяжелой ношею.
В процессе распада узрев для себя колдовство.

О РПЦ

Пасмурно на душе, нет боле Бога в церквях.
Сребролюбие нынче украшает каноны.
Иерархии строгой, где друг друга едят
И без страха взирают толпой на иконы.
Ношей крест золотой, что уж пудом отлит
Привлекая не кротость, а хищные взгляды.
Лишь церковный набат по их души звенит,
Что греховным наполнены ядом.
А лампы чадят, в них не ладана вкус,
То бесовских жаровен услужлива копоть.
Они алчность с гордыней познали на вкус,
Театр зла продолжает им хлопать.
Спит их совесть давно, улетучился страх
Перед Божьим врагом, век из века.
Ибо нет на земле, в недрах и небесах
Никого, кто страшней человека.

Молчи! Не нужно пылких слов

Молчи! Не нужно пылких слов.
Игра на публику, базарам встать Востока.
Любовь без чувств – есть похоть, не любовь,
Ее ты не познал еще до срока.
Зачем совсем не уважать себя,
Крича слова пустые всеу,
Проходим, что герольд трубя,
Когда готов обнять любую?
Так низко пасть и быть рабом страстей,
Быть сластолюбцем, алчущим порока.
Внутри пустым, и пустотой своей,
Не видеть в чувствах истинного прока.
Твои слова беспочвенны и в них таится ложь,
В них нет той твердости, что свойственна мужчине.
Раз их назад ты столь легко берешь,
Показывая гнусность всей личины.
Так что молчи, гонимый ветром вдаль.
Лишенный счастья и его искомый,
К кому однажды постучит печаль,
Рисуя образ, сумрачный, знакомой.

Убийца

Ступаю осторожно- дичь бы не спугнуть,
Клыками, разрывая провод жизненной аорты.
Сегодня повезло, ведь не заметив суть,
Твои деяния и память ныне стерты.
Лишь миг агонии и вечной тишине,
Завещан будешь весь и без остатка.
Разбившийся сосуд, испачканный в вине,
Познавший истину, что жизнь ничтожно кратка.
Свое я взял сполна и спешно ухожу
В лесную глушь, вновь избегая взора.
Для них, я – хищный зверь и потому бегу,
Чтобы залечь на дно, сокрывшись, в свою нору.
Пока я сыт, за мной погони больше нет,
И с каждой вылазкой я становлюсь опасней.
Забыл, какой по счету монолит, прибавив бед,
Кого-то сделает, несчастней.
И вновь иду оскаливши клыки.
Не ведая, что сам являюсь дичью.
Ведь час расплаты пробил за грехи —
Я взял в кольцо, поддавшийся величию.
Но я не сдамся в лапы поисковым псам!
Приняв судьбу свою, что слал другим недавно.
С улыбкой на лице отправлюсь к праотцам,

Убитый дичью, вот что мне забавно.

Ветер

Всегда в пути извечный дух скитальца,
Обремененный тяжким поиском себя.
Словно вода, течет всегда сквозь пальцы,
Своим дыханием брэнность теребя.
Не обрета уют, взрастил свой гордый норв.
И лишь свободой властно одержим.
Сокрыл свой лик от любопытных взоров-
И каждому он чудится иным.
Пришел в движение здесь и хмурит брови неба,
Что выстроили, нынче, вереницу туч.
И нет такого места, где б он не был,
Не в силах рать воды низвергнуть с кручь.

Тень

Я позади, что пепел сожалений,
Окутан дымкой тусклых фонарей.
И плоть от плоти чудных проявлений,
Отбрасываемых светом от ветвей.
Всегда с тобой, столь неодушевленный,
Лишенный воли мрачный силуэт,
Что полон преданности истинно бездонной,
При свете дня и даже если нет,
Лучей, что жгут меня своим свечением,
Выстраивая стены из границ.
Я все равно с тобой с последним проведением,
Взмываю вверх с полетом вольных птиц.

Четверо

Сидят четверо в ладье, перебирают веслами
Молоко жизни, движимые судьбы течением.
Составляя реквием проведением, что ниспослано,
Сетуют, всуе, украдкой, на лишения.
Первый гребет весьма стремительно,
Молоко, пенясь, вскипает на веслах,
Для него все ново и удивительно,
Берет разбег, к ее началу готовясь.
Второй веслами гладит влагу,
Полагая, что время для него безбрежно,
Неспешно продолжает писать свою сагу,
Каждый росчерк весел выводит нежно.
Третий обрел опыт – гребет размеренно,
От того сдержан, рассчитав силы.
Сожалеет о том, что потерянно,
Но как первый не рвет жилы.
Четвертый с улыбкой помогает гребцам,
Силы уходят от него с очередным взмахом весел.
Оставляя вслед мудрость пережитым годам,
До тех пор, пока греблю не бросил.
Только река продолжает свой путь,
Даже когда ладьи больше не станет,
Чтоб саму вечность в конце обогнуть
Или в нее в неизвестности кануть.

Тень прошлых чувств

Цветение эйфории чувств прошло и ныне забыто.
Не витает в воздухе благоухание дикой мимозы.
В груди рана зияет дырой черной – сердце разбито,
Петлей Нестерова накинута тоска и душат слезы.
Прошлое стремительно уносится с каждой времени каплей.
Ее цена – невозвратимый более жизни день.
Взлетает в небесную высь одинокой цаплей,
Отбрасывая солнцем, в памяти, свою тень.

Маме

Сколько было переживаний, да ночей бессонных,
Сколько грусти в глазах полных слез.
Как болело сердце от любви бездонной,
Той, что к нам открыта, чисто и всерьез.
Сколько раз, она, нас оберегала
От ошибок глупых или от невзгод.
Множество обид нам она прощала,
Говоря беспечно, что вся боль пройдет.
Навсегда запомни, ты, улыбку мамы,
Когда вновь приехал, в старый отчий дом.
Эта встреча ярче, сцен из мелодрамы,
Ведь тебя здесь ждут, обогрев теплом.
И не будет в Мире никого, кто так же
За тебя готов, даже жизнь отдать.
Кто ты для других, ей совсем не важно,
Ведь так верить в нас может только мать.

Менялы

Стрелка идёт и идёт, летит, секунд ратная конница
И вряд ли, кто-то время вернет, то, что единожды тронется.
Однажды, дойдут до конца, пустой и бессмысленной повести,
Личности без лица, с сердцами, лишёнными совести.
Цепляясь руками жадно, за свод материального блага,
Меняют бесценное время, на хрупкий хлопок бумаги.
Меняют его бесконечно, гонимые жаждой наживы,
Забыв, что ничто не вечно, и ценно, лишь пока живы.

Просьба у времени

Время, даруй мне мудрости
Не пребывать во мгле.
Учась на ошибках юности,
Камнем не лечь на дне.
Преодолевая все трудности
Крепко стоять на ногах,
До самой моей беспробудности,
Когда обращаешься в прах.
Время, даруй мне силы,
Пройти этот путь до конца.
Когда беда крутит жилы,
Стирая улыбку с лица.
Даруй мне сил продержаться,
Хотя бы еще чуть-чуть...
Чтобы уже не бояться,
Вобрав в себя самую суть.

Я еще помню

Я еще помню семена былого времени,
Когда мечты материализовались нашими дланями.
И каждый не был подвержен бремени
Демократичных господ, страшащихся красного знамени.

Я помню ростки и стебли открытий,
Что неустанно стремились сквозь тернии в высь.
Зрящих далеко за горизонты событий...
И мне не постичь отчего мы сдались.

Раболепно ставшие, теперь, на колени
Сложившие дружно могучие стяги.
Каждого можно осудить в измене,
Сменивших судьбы и флаги.

Каждого стоило бы призвать к ответу,
Посрамивших все былые победы отцов,
Только такому прощения нету —
Рабский ошейник кредита, весомей оков.

Пьеса

Занавес поднят и взгляды упали на сцену,
Буря оваций сорвалась с восторженных рук.
Но лицедей не спешит, ведь желает набить себе цену,
Очень вальяжно накинув на плечи сюртук.
Свет тут же гаснет, к содействию первого акта.
Жизнь обыграла за отпрыска значимый день,
И словно слух виртуоза, внимает звучанию такта,
Он познает бытие, оставляя в нем тень.
Очень суров драматург, не оставив ответа,
Плыть по течению или бороться с волной.
Быть ярким светом, неся в душе лето
Или же тьмы, что кромешна, холодной зимой?
К черту аншлаг и партер, скоро грянет движение,
Интерпретируя следствие авторских строк.
Вот и второй акт увидел свое проведение,
Выбрав маршрут свой среди перепутья дорог.
Азимут взят и пора отвечать за решения,
Опыт поклажей тяжелой на сбитых плечах,
Лег, словно совесть, не зная совсем снисхождения,
Возвестив юности, временем, стремительный крах.
Третий акт начат, сменив очертание судеб
И лицедей стал подобием бледной свечи,
Он догорает и его это вскоре погубит,
Став навсегда воплощением вечной ночи.
Занавес пал с окончанием выбранной пьесы.
Зритель уходит, насытив сполна интерес.
Лишь только критики заняты в спорном процессе
Решая, к какому итогу склонить перевес.

Крик Души

Один! Шепот взволнованных мыслей подобен шороху осенней листвы.

Посмотри! Краткосрочный взлет эйфории стоил остатка жизни в грязи? А вы?

Утопая в луже с останками ненужной слюны, умы

Теряют краски, что обратная сторона яркой ныне луны.

Отрицание обществом индивида, отдает в черепе канонадой войны.

Холодны взгляды тех, кто коснулся, впоследствии, звонкой струны,

Что натянута гранью, меж суровой реальностью, и тем, где рождаются сны,

Прорастив, среди лютой зимы непристойности, побеги чистой и новой весны.

А это означает – Два! Дотянулись бы вы до этих высот, преодолев себя? – Едва!

Тщательно вглядываюсь в ваши лица, достигая самого дна,

Но сущность личности, под пластиковой маской стереотипов, уже не видна.

Замирают навеки сердца из свинца. Отягощенные скупостью алчности,

Даруя кров для Золотого Тельца, на посулы эти, что идут без конца,

Воздвигая храмы Ему, навеки в кабале Лже-отца.

Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне

Окно распахнуто и бледный лунный диск,
Напрасно дарит ложные надежды,
О том, что время, в свете его искр,
Замедлив бег, покажется безбрежным.
Рисуя образ, тени, на стене
В нелепой пляске сумрачного танца,
Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне,
Дотронувшись до фотографий в глянце.
Ведь я уйду за грань, растаяв как туман,
Оставив за собой, лишь тлен и пересуды.
Ты знай одно – и это не обман,
Что я навечно буду помнить твои губы.

Я ревную

Я хочу быть твоим одеялом, я безумно ревную к нему.
Ведь оно тебя ночь обнимало, да к тому же еще не одну.
Я ревную безумно к подушке, что познала всю мягкость волос
И ласкала настойчиво ушко, поцелуем столь страстным взасос.
Я ревную безумно к простынке, что познала тебя в высший миг,
Когда ты вся растаяла льдинкой и сорвалась на стон и на крик.
Я ревную... и мне очень плохо, без тебя я не в силах дышать.
Мне не сделать уже даже вздоха, чтобы в мыслях тебя не обнять.
Я люблю тебя, знай, больше жизни – как никто никогда не любил
И ревную, вдруг ставши капризней, ведь держаться уже нету сил.

Посвящается любимой Снежанночке.

Эйфория

Мои тормозные колодки разума стерты.
Метеоритным дождем летят мысли – сыплют искрами.
Эндорфин набирает обороты, по серпантину аорты,
Играя дрифтом с запредельными рисками.
Чувствую, что возношусь в небо, в синюю высь,
Я и желания, слились теперь в одно целое.
Наши пальцы, в ладонях, проводами сплелись
На заправке, эйфории, сладких поцелуев под омелой.
Стрелки спидометра, строго берут перевес на восток —
Там, где лунный месяц игриво танцует ламбаду
Тюнинг твоих форм в его свете, поверь мне, смог
Эффектным появлением сразить любую преграду.

посвящается любимой Снежанночке.

Коля Бундестаг

Продажный люд, страшной чумы, лишенный для себя святого.
Считают подлые умы, что в этом нет уже плохого.
Но чего стоит человек, лишенный в раз свободной воли,
Зубрящий славно манифест, написанный совсем не Колей.
Ну что ж, Германия, Берлин – довольных лиц прямые взоры,
Потомки дьявольских убийц, что положили трупов горы.
Глядят теперь на сопляка, что послужил для них лишь пешкой,
И тем унижил на века, деяния тех, кто там не мешкал,
Под яростным огнем врага, где полегли и мои деды,
Мне их решимость дорога и этим славиться ПОБЕДА!
Смешно же слушать гнусный бред, о том что есть мораль
фашизма,
Пришедших в чуждую страну с милейшим ликом пацифизма,
И что каратели «ЭСЭС» – (не знали мы) святые люди,
Что мыло делали с детей и умерщвленных всюду груды.
Но это «добрые отцы», тактично скрыли в Бундестаге
И в воду кинули концы, мораль рисуя своей саге.

Герой

Закованный в сталь, всем казалось он стоек.
Поскольку, всегда, выступал впереди.
Он в досталь познал, что войны привкус горек.
И руки его, уж по локти в крови.
Изведал что есмь, лишения и голод,
Потрепанный стяг развивал на ветру,
Когда до костей пробирал лютый холод —
Он просто молился, чтоб выжить к утру.
Когда неприятель рубил, словно дьявол,
С оскалившей пасти вонзая клинки,
Он прятал забралом, что страх его плавал,
В крови и сковал позвонки.
И крепкие латы скрыв оцепенение,
Под тяжестью статной своей,
Спасали от смерти, а может везение,
Над роком довлело сильней
Он вновь выживал и готовился к бою,
Он жив, но другие лежат...
Напрасно его нарекают – героем,
Познавшего весь Мирской ад.

Горизонты познания

Броня истины, местами изъедена ржой
– молью временной скоротечности.
Рожденные под несчастливой звездой,
Молятся идолу – вечности.
Вспоротые, словно труп великомученика, слова,
Выдранные из контекста писаний бездумно,
Капают темной кровью лжеучений сполна,
Ратники бьются в конвульсиях шумно.
Лязг копий очередных порицаний звучит,
Ставя надежду с мечтой на колени,
Яркой кометой по небу летит —
вестник дурной, эта слабость от мнений.
Горстка апостолов, меж собой, разделив хлеб,
Тягот и горечи тайных познаний,
Ведает правду, что Мир людской слеп,
Не принимая благого старания.
Значит, опять воцарится война,
В не проходящем, бурлящем потоке,
Что утянула в глубины, до дна,
Где словно черви – людские пороки.
Плачьте святые, полные добра, небеса,
Мироточьте иконы из туч, ливнями скорби,
Громом гремите осуждающие нас голоса,
Бичом молний, хребет Земной от ударов сгорбив.
Может быть с этим, хотя бы тогда,
Свет достучится до безумцев в оковах,
Воцарив мир в их сердцах навсегда,
Горизонтов познания им открыв новых.

Старик

Далеко за полночь. Ночные страхи сползаются с дальних углов. Без слов, ясно, что здоровье опять покидает вновь, Мое тело подобно осажденному замку, чей ров, Ненадолго спасает от захватчиков, что прольют мою кровь. Казалось, что сработал сигнал установленного времени, Строго, в пять ноль ноль. Ой! – Я словно ишак, ропщущий на непосильность бремени, Криком сетую на юдоль. Сквозь мутные стекла окна, Свет падает на диван, что порядком изъела моль. Стыдно признать, что немощь моя видна – Вьелась в него слез едких соль. Я – одинокий и дряхлый старик, что почти доиграл свою роль. Запах пыли и затхлости, провоцируют новую хворь. Ирония в том, что проводником жизни, как раз и выступает боль. Только время для нас: и судья, и палач, и король. Страшно... в одиночестве различать ход неумолимых минут, Что охватят тебя словно спрут и большее сжимают и жмут, Забирая твою жизнь, без остатка, как те угли, что уже не зажгут!

Ты одной ногой там, а другой, до сих пор, еще тут. Я безумно устал, ноет тело и тяжело дышать, Серым пеплом давно изувечена черная прядь. Но куда не беги, от себя все равно не сбежать. Раз здесь прожил всю жизнь, значит, здесь, час пробьет помирать. Сколько раз, осуждающе взвешивал каждый момент, Как богатый клиент, для кого весь сюжет кинолент, Снят искусно, но нужно беречь каждый цент. От того, я, как ревностный критик и жадный агент. Это жизнь промелькнула моя, что теперь уж подходит к концу. Где же дети мои, что забыв, не приходят к отцу?

Только горечь, как рота солдат, что стоит на плацу, Марширует слезами, что бегут по щекам и лицу!

Жив ли я, коль давно целым Миром забыт?

Дом – не дом, а надгробие каменных плит, Где один человек, да к тому же еще инвалид, На часы, в одиночестве, полном, глядит!

Я знаю, ты думал, все будет иначе

Я знаю, ты думал, все будет иначе, Тщетно расправляя бумаги
края. Смотри и молчи, победитель не плачет, Не тронут, твердь
кожи, пусть, соли моря. Ее не вернуть, как продажную совесть.
Она воспарит в облаках на ветру
И ты, расправляя, страниц жизни, повесть
Напишешь в ней слово прощания – «Люблю». Зачем ты
участвовал в проклятом споре
И ей обещал, что прибудешь потом?
Желал, чтоб она не увидела горя, Не зная и сам ничего уж
о нем. Теперь, сок полыни столь горек, и душу, Твою, заполняет
кромешная мгла. Оковы разлуки уже не разрушить
И сердце саднит, ведь она не лгала, Когда говорила, что искренно
любит
И слезы прощания всего ей больней. Твой разум и сердце ее
не забудут, Ведь нет и не будет, никого кто милей. Я знаю, ты
думал, все будет иначе, Тщетно расправляя бумаги края. Смотри
и молчи, победитель не плачет, Печаль свою в сердце тая.

Маркиза

Маркиза не ест, нет она не больна, Ей просто пресытились разные блюда. В сердцах полагая, что тем, что стройна, Она кавалерскому взору столь любя. В маркизу давно, уж никто, не влюблен, Улыбки, что ноты – играют фальшиво. Давно красоты ее пал эталон, Завял, словно поля пожухшая нива. Маркиза по прежнему гордую стать, Держала надменной дворянской особы. И истины свет не желала признать, Что время нещадно берет свои годы. Маркиза не ест, нет она не больна, Господ оскорбляя столь часто ответом, Она и по сей день была влюблена, Любуясь своим, уже старым, портретом.

1987

Легкие сжаты в тиски абстракций, В них потаенные страхи имеют вес. Колют решимость шипами акаций, Кровью ее перепачкался весь. Хворь слабоволия – вирус стойкий, Ее метастазы одни – хандра. А у печали привкус кофе горький, Что наедине выпиваешь с утра. Ставни глазниц распростерты в небо, Ищут присутствия, его, следы, Взирая в места, где он и не был, В каждой из туч видя рая сады. Разум- плут над этим не властен, Снова промах, судьбы настал ход. Порох терпения взлетает на части, Ведь с этим прожит еще один год.

Дождь

Барабанная дробь – раз-два и тихо. Сметает своей влагой сухость частиц. Дождь роняет капли, что падают лихо, Лишь на мгновение под стать стае птиц. И разбиваясь стремительно, звонко, Не склеить надежд их уже никогда. Крылья свободы красивы, но тонки, Как пережитой эпохи года. Снова заставят их слиться в потоке

Соединяясь разбитой судьбой. Лишь небеса вниз глядят синеоко, На свои слезы, что гонит волной. Сколько еще они так проблуждают, Чтобы вернуться в обитель свою?

Где через время их вновь изгоняют, Дабы низвергнуть, рать, в чуждом краю. Как же прекрасны минуты падения, Этот чарующий душу полет. Ветер целует своим дуновением, До того мига, как их разобьет. Чтобы свой путь, новой каплей, с начала, Сквозь все невзгоды, достойно пройти. Лучше обрести свое счастье на мало, Чем его вовсе, за жизнь, не найти.

Война

Распустилась бутоном алым, Всполохами пламени пепелищ,
Лицом сиротливым, дитём малым, Разрушенным городом, что
нищ. Несчетными трупами на поле брани. Кровью липкой
на острых штыках. Следами от пуль в оконной раме, Видом своим
вселяя страх. Мертвым надеждам воздаст почести, В воздухе
солонувато витает скорбь. Ветер ревет о своем одиночестве, Над
выжженным кратером, вновь и вновь. Лишь дымка гари туманом
стелиться, Над необъятностью братских могил. Хлопьями пепел –
в небе метелица, Как души тех, кто когда-либо жил.

Прозорливый царь

Во славу мою, чредой подвигов ратных, Украсить велю, я,
свершения мужей. Сверкая зеркальной поверхностью латной
Они в долгий путь устремляли коней. Вперед же, вассалы мои,
поспешите, В чужой стороне обрести свой покой!
Вы нехотя подвиг еще совершите
И жизнь ваша будет за это ценой. Шептались вы долго, но тщетно
порою, Желая низвергнуть мой царственный род. И заговор ваш
был всего-лишь игрою, Ведь я просчитал все ходы наперед.
Вперед же, вассалы мои, поспешите!
Познайте все властность желаний царей. Вы думали вас
не касаются нити, И нет никого, кто вас был бы умней?
Напрасны и тщетны смешные усилия, Изгнание ваше за это ценой.
Познайте на вкус неизбежность бессилия – Вы будете стерты, как
пешки, войной.

Письмо

Прости меня за то, что не умею лгать
И не могу нарушить данных обещаний. Я обещал тебе, все так как
есть писать
И это вечный повод для терзаний. Надеюсь, ты прочтешь слова
мои в письме, Присядь прошу, они мое прощание. Как жаль, что
не могу вместить я на листе
Всех чувств к тебе и муки расставания. Еще чуть-чуть, и вновь
мы вступим в бой, Возможно, станет он, увы, моим последним.
Враг перевес давно оставил за собой, А я надеялся, что это только
бредни. Земля саднит свинцом, ужалившей осы
И огонь от пепелищ, как кровь из свежей раны, Сочится пламенем,
достигнув полосы
Границы двух фронтов и битвы неустанны. Ох, слышала бы ты,
сколь грозен Бог Войны, И как он страшен, залпом мощным,
в гневе. Подмоге не успеть, мы знаем, что одни...
Ты помолись, за наши души Деве. Моя любовь, с тобой, прибудет
до конца
И я ни сдам и метра, коли бьется сердце. Прости меня за все,
отважного глупца, Я собираюсь недругу задать немного перцу!

Я б все сейчас отдал, за краткий миг с тобой, За сладость алых
губ и теплоту объятий, Прошу тебя – живи, ведь я тобой горжусь,
И пусть любовь хранит, сильнее всех заклятий!
Ну вот и все... звучит команда «СБОР», Я отправляюсь в бой, что
в эпицентре фронта. А я бы так хотел, вновь, в наш сосновый бор,
Где в первый раз, читал тебе Бальмонта.

Полет

Как много нужно, дабы не упасть, Подобно камню с выси
поднебесной. В крылах своих, иметь к полету власть, И воздуху
быть сродни повсеместно. Неловкий шаг в бездонной пустоте,
Ошибка курса с верных направлений, И остаешься в вечной
темноте, Отрезанный от всех своих стремлений. Но как прекрасно
чувствовать поток

И мощь величия бушующей стихии, Когда в шторма летишь,
и истинно ты смог, Достичь того, что не смогли другие. Парить
вольготно в небе над землей, Любить свободу, сердцем, каждым
вздохом, Быть частью неба, а оно – тобой, Сливаясь с ветром и его
потоком.

Скорбь

Пробил час, дегтем в стать облакам грозovým нагрнул. Утопая в патоке лжи медовой, липкой и вязкой, Растворился в настоящем с ним в небытие канул, Без причины, без замысла и огласки. И уже не стать во век прежними, Не вернуть лицам легкомыслия мины. Раскрывая горизонты для мышления безбрежные
В заблуждении своем достигая вершины. Сколько падет их еще на поприще ратном?

Сколько слов было вслух не досказано?

Что стираются в пыль многократно, Только быть до сих пор не доказана. Стерта память побед пращуров и отцов, Позабыты морали былой устои крепкие, И душа моя плачет навзрыд, горче вдов, Ибо скорбь сжала в лапы цепкие. Тени, что пауком сползают ко мне неспешно, Выжидают момента впрыснуть яда бессилия. Отравляя разум черной мыслью грешной, Одерживают победу свою без насилия. Словно ставни, что на булатный замок заперты, Обездвижены и стынут от озноба руки. Больничная простыня – иллюзия парадной скатерти

И лишь голос в голове распускает слухи. Шепчет, настойчиво, стремясь поколебать волю, Обволакивает коконом сомнений и былых сожалений, Съедает волокна разума прожорливой молью, Не пускает взойти на путь свершений. А погода – пьянь, расплескав стакан, Оросила ливнем часть земной горницы. Пир на небе горой – хорошо Богам, Шум и гам вокруг, да раздолье вольницы. Сам Иггдрасиль с небес пустил корни, Разрывая плоть облаков грозovým мерцанием. Всю помпезность вобрав в громогласном горне, Вдруг утих для раздумий в молчании. Поутихло резонансом встревоженных кругов на воде, Возмущение чистой глади зеркальной, На полотнах жизненных невзгод подвластных судьбе, Замирает вновь в спокойствии, прячась в уголках дальних.

Игры Пупенмейстера

Положили, в итоге, на полку томиться, Бросили пыли, да времени,
на растерзание

И уже, никогда боле, не случиться

Оправдать бытием своим ожидания. Тает солнечный зайчик
былых надежд, Вязнет в темной гуаши грозových красок,
В Мироздании, полном алчных невежд – Кукол, преисполненных
ликом человеческих масок. Синтезируя схемы прогнивших
систем, Кукловод яростно водит за нити, Чтобы в конце
представлений совсем

Сделать куклу отрепьем забытым. Пройденный путь всех
гастрольных турне, Давит на память немислимым грузом. Лучше
уж вспыхнуть, однажды, в огне

Чем быть подвергнутым дьявольским узам. Нить замирает...
а может быть я, Все же отвергнут и брошен на полку, Чтоб
на закате уходящего дня В душу мою смерть воткнула иголку?

Может быть пламя всего лишь мираж – Сценка из более красочной
пьесы?

Или меня, охватил вдруг кураж, Мучая, словно коварные бесы.
Снова вдруг дрогнула тонкая нить, Я забываю о мысленном
вздоре...

Мне ни к чему это все, чтобы жить

И продолжаю играть свои роли. Занавес пал – обретаю покой,
Кукла забылась в достатке на полке. Даже Магистр, утомился
игрой, Спицей вязальной проткнув душу тонко.

Грусть шахтера

Я восстал, как мертвец из глубоких, холодных могил. Я не жив и ни мертв, только боль, изнуря пронзает. После тяжелой работы, лишь в 20.00, Мое бренное тело опять оживает. А в сырых подземельях – лишь холод и тлен

И удушливый газ, что метаном зовется, Снова шахта возьмет в свои неистовый плен, Скоро каменный свод надо мною сомкнется. Я не жив и не мертв, еще ниже могил, Продолжаю свой труд в повседневной рутине, Словно раненный зверь я лишен прежних сил, Что с годами, растратил я ныне.

Черные птицы

Черные птицы греха, кружатся над моей падкой стойкостью. Терзая своими острыми когтями, тело брэнной воли. Проникая в естество ядом терпким с колкостью, Провели аксиому, что не ты воин в поле. Затянуло небеса серостью пустой безнадежности. Всхлипывает клеткотом хищным, громогласного искушения. Ставя над совестью, вновь, исполинские сложности. На кривой тропе растеряв торбу терпения. Птицы бросали на меня свои взгляды жадно, Провоцируя свои гастроли примы, жертвы грешной. Я сорвался в нелепом фальстарте, меня раздирали нещадно
Падал я с высот, в царство тьмы кромешной. Распростерла объятя широкие, мать Праздности, Смакуя души кусок, переполненный гордынею. Бесновались стервятники, считая игры со мной, уж данностью. Проведя за спиной не возврата – жирную линию.

Весна

Распростерла длани-сучья обнимая бытия истоки, Украшая перстнями цветений к весне-юности. Лишь бездонные глазницы небес синеоки, Наблюдают за силой воли, ниспослав трудности. Бьют ветра, словно бич, с удалью хлесткой, Разрывая лоскуты-листья нарядного савана, голюю. Завывая мелодию грусти из оперы «Тоски», Резонируют в сердце струнами – душевной болью. Поутихла непогода, уходя по небу ратной конницей, Вереница туч тянулась, на войну, обозами, Убегают вдаль скорее, будто черт вслед гонится, Небо-девица уж выплакала по ним грозами. Жемчуга, капель влаги, свои по развесила, На зелени листвы, драгоценными бусами. Стоит весна нарядная, ее сердцу весело, Примеряя гардероб с изысканными вкусами. Ароматом парфюма, тонко благоухает, Подчеркнув статность красоты времени года, Ведь она одна, все-же, такой бывает, Неподражаемая во всем, как и мать Природа.

Неповторима

Неповторима, краса очей твоих – неповторима!
И я тону в бездонном омуте зарниц, Когда ты невзначай
проходишь мимо
-прекрасней всех принцесс и всех цариц. Околдовала, ворожея,
меня чувством, И мне теперь ночами не уснуть. Любовь -порою
может быть искусством, Когда биением сердца, сотрясает грудь.
Мне на неё, гадать уже не стоит, Сразил Амур, баллистой, ровен
час. И по тебе тоскую, сильно, душа воет, Что волк в ночи
и не хватает фраз, На то, чтоб описать всё ликование, Когда
со мной ты, пусть всего на миг, Моя любимая, ты в целом
мироздании, прекрасней всех, и твой чудесен лик.

Постскриптум

Пригрел на груди аспида, По наитию злого шепота. Кровь моя
была распита, Не подал я ни жалоб, ни ропота. Не щадя, рвал жилы
мне

И терзал вновь душевною мукою. Прибывать приходилось во мгле,
Тет-а-тет с опостылою скукою. От звонили часы, как набат,
И шипел змей исполненный ярости, Подавляя мой разум назад,
К скудоумию и усталости. Искрутился весь, шевелясь, Обвил шею,
сбивая дыхание. И упал я, своим ликом в грязь, Преисполненный
ныне страдания. Исчезая в дыму сентября, Обещанный
мерзкой личиной. Я постиг, что все было зря, И безудержность
скорой кончины. Растворив свою личность во мгле, Проиграл
вскоре душу в кости. И никто не приходит ко мне, На могилу,
на старом погосте.

Любовь

Дикий изысканный цветок, что взращен огненной росой,
И опыленный вождения, медоносной страстью. Качает
на волнах всех мечт, его, прибой, Гонимый дуновением
к берегу счастья. Незыблемой красоты, лишь посвященный взгляд,
Коснуться может в таинстве начала. Кому – нектар Богов, кому –
смертельный яд, По зову сердца – волей даровала. Как много
тех, кто жаждет обладать, Его прекрасным, нежным ароматом.
Стараясь гордый нрав, свободы оборвать
И культивировать законом постулата. Но ветер не запрешь, он
ускользает прочь, Гарцуя в синеве, небесной, чистой выси. Лишь
только чистым чувствам, с терпеньем, превозмочь
И обуздать напор повадок этих лисьих.

Осень

Золотые листья – ветер их кружит, И на крыше флюгер – тихо
дребезжит. Стаи птиц прощаясь, с горечью кричат – Не забыть
им тоже, этот листопад. Лужицы замерзнут, станет льдом река,
Потемнеет небо, глядя свысока.

Мой самый первый стих, написанный в возрасте 6-ти лет.

Характер

Мои желания, бьются граненым стаканом оземь, Разлетаясь
частицами о неприступность воли, Выстраивая, несбывшимися
надеждами, сотни злых козен, Действуя на нервы, слабостью
телесной боли. Пусть не стесняясь бьет меня хлестко, Не сгибая
стана, преодолеваю юдоль лишения, Как стая птиц перелетных –
нас таких горстка, В луже узревших не грязь, а небес отражения.
Прислушиваясь к мудрому совету ветров, Щекочущих лист,
дуновением жизни, Познаешь ценность и искренность слов,
С момента рождения, до горестной тризны. Не усомнившись, ни
на миг, в выбранном мною пути
Прокладываю тракт по вересковой чаще, Ибо никогда от самого
себя не уйти, Лишь вкус побед моих становится слаще.

Оставив позади

Я вновь тону, средь вражеских широт. Озябших рук немеющие пальцы

Смотрели в небо, лицами сирот, Сквозь толщу вод причинности скитальца. Казалось мне – свобода так близка. И грудь саднила в предвкушении вдоха- Незримая для всех, извечная тоска, Съедала душу, празднуя жестоко. Последний миг настал, вода нашла проток, Собой заполнив емкие пустоты. Покрыла безмятежностью, и значит я не смог, Вновь выиграть у судьбы нешуточные лоты. Узревший азимут – покину горизонт, Стирая навсегда грань скованности плоти. Оставив позади горячей скорби фронт, Не ведая когда, меня вы отпоете. Я обречен... и свет небесных звезд, Такой пронзительный, колючий и холодный, В безвременье, опять, открыл хрустальный мост Мне возвестив, что ныне, я – свободный.

Первый

Раз-два, в пустой комнате гулко разнесся крик, Сильно и звонко раздаваясь по барабанным перепонкам... затих. В свое естество положив основу интровертной концепции, меняет лик
Деструктивным расстройством, глубоко в душе ведя суровый блицкриг. Деменциальный синдром, словно скованный булатной цепью демон, еще спит. И лишь из стеклянных оконных глазниц зреет вид, Что сметет метаморфозы матрицы и как динамит, Разрушит прочные границы бетонных плит. Забыт... гимн триумфальной свободы, в очередной раз – забыт. Диссонансные колебания в груди, щекочут нервы, разрывая мой индивид
В клочья, как следствие того, что мой допельгангер раскрыт. Я сыт, по горло ложью, вперемешку с холодным настом обид. Задыхаясь от негатива лиц мегаполиса, что порядком прогнил и смердит. Сублимируя денежный поток и распущенность в алчность и похоть, что царит
Вопреки здравому смыслу... и до сих пор никому не претит.

Мы надеемся стать кем-то выше

Миг снова ускользает сквозь пальцы, Словно сито, фильтруя
быстротечное время. Оставляет следы крупиц-скитальцев
В нашей памяти, прошлого бремя. Различая палитру
созидательных красок, Тянемся к бездонным глубинам неба,
Не снимая своих обличий и масок, Не делись с ближним коркой
хлеба. Вращивая пустоту между нами, Мы надеемся стать кем-
то выше, Закрываясь от света руками, Мы забились по норам,
как мыши. Не желая в душе борьбы до конца, Ожидаем опять
за деяния чуда, Примеряя досрочно все лавры венца, Но судьба
будет – что у Иуды. В нежелании разума что-то менять, Мы
разбиты о брег, словно тело медузы, Ведь все ложные ценности
можно отнять...

Так зачем же тогда, они держат, что узы?

Пропасти глубоки

Пропасти глубоки – не связать путеводные нити. Растворимся, как пыль, галактических звездных систем. Нас окутает лед, равнодушия чувств и событий

И уже все равно, на какой ты орбите и с кем. Я лечу в никуда, а быть может по верному курсу, Сквозь скопления глыб, астероидных, опасных колец. Пусть обшивка пробита и сказалась нехватка ресурсов, Но мой разум и воля, до сих пор, не признали конец. Эта темная синь – здесь еще холоднее и чище, Ведь ее не коснулась еще, сталь чужих и лихих кораблей. Может быть и ее, как меня, уж никто и не ищет, Только я уже здесь и достиг не открытых дверей.

Ход мыслей

Преодолея усталость, изменчивость размеренных деяний,
Спокойствие или яростный порыв, Что будоражит степень
изысканий, А может плачь, апатии навзрыд, Вновь гнезда вьет
венком минувшей славы, С небес упав, на гладь бетонных плит.
Сладки, как мед, или с горечью отравы?
Сакрально тайные, или вновь, как перст открыт?
Легки ли и свежи, что ветер вольный, Аль тяжелы, немисливо,
всей ношею грехов?
Не скованы судьбой краугольной, Или же скованы темницей без
оков?
Безумный Мир игры противоречий, Или Идеальный Мир
закономерности и схем, Определил, ход мыслей человеческий,
Неисчислимым множеством из тем.

Закат

Сплетая локоны в причудливый узор, Градаций облаков
чарующего неба, Светила диск смущенно прячет взор, Словно
Адам, впервые встретив Еву. Шумят ветра дыханием своим,
Играют не спеша с небесной каравеллой

И гонят ее вдаль к местам совсем иным, Что мореход описанный
новеллой. Уходит день, как дивный мотылек. Каемка крыл
оплавлена, последними лучами. Стекло часов, его, утратило
песок, Сменяя дни хлопот, блаженными ночами. А ночь тиха и так
дремотен час

И темные шелка ложатся ей на плечи. Сморил Морфей, свинцом,
вдруг веки наших глаз

И сладкий сон, задул реалий свечи.

Закон Владык

Не просто вожаку снискать покорства стай, Когда с оскалом рыщут претенденты. В предсмертном хрипе пропадает лай, Того, слабей чьи были аргументы. Вожак стоит и гордо поднят взор, Хоть после битв подкашивает лапы. Дать слабинку – для лидера позор, Он не обмолвится про все свои утраты. Ведь человек – есть самый лютей зверь, Когда снедаем властью и богатством. И он безжалостней любого, уж поверь, Коль на кону стоят престол и царства. Но он хитер, коварен и силен, За ним примкнут и те, кто грезит о добыче, Вожак на ветер не бросает слов, Клыки, вонзая в горло славной дичи. Когда-нибудь, но только не сейчас, Достигнув возраста и точки не возврата, Потупив взор, столкнется с силой глаз

Таких же яростных, что и его когда-то. И осознав в душе, что пробил этот час, Он будет горд, почить в последнем бое. Ох, нелегко он жизнь свою отдаст

И стая разразится диким воем...

Ну а пока – нахрапист и суров, Его войска опять штурмуют стены И не поможет замку его ров, В их жизни вскоре грянут перемены. И звон мечей, что кляцанье зубов, Нешадно рвут, впиваясь глубже в тело. Но этой ночью ждет их теплый кров

И будут сыты снова, раз сумели. Таков закон звериный у Владык, И слабакам, тут не найдется места, Господствуй и владей – коль ты велик, Жестоко подавляя все протесты.

Перон

Безвольный страж гостеприимства, что никогда не одинок
Взирает молчаливо вновь, на суетность стремлений. На судьбы
тех, кто буквами меж строк, Спешит в угоду чьих-то направлений.
Пусть бьют ветра, метели и дожди
Иль зной палящего и жаркого светила, Меня, прошу, ты снова
подожди
И я вернусь, покуда хватит силы. Ты помнишь, груз воззваний
и потерь, Весь трепет встреч и боль былых прощаний. Пюпитром
жизни, выступаешь и теперь, Что связывает нитью судьбоносных
расстояний. Всего лишь шаг в чарующем везде, Всего мгновение,
для взвешенных решений. Так мимолетно в спешной суете,
Хитросплетение человеческих суждений. Их унесет водоворот
перипетий, Смотри сквозь призму множества из окон. Вояж
достигнет апогея эйфорий, Локомотивом, что подобен беглым
строкам.

Осень

Хоронила осень, то, что август бросил
Травами сухими и листвой, вместо весел
Гребла ветром дуновением, во искупление
Грехов, омывая слезой дождя, небесного проведения. Отбрасывая
с лунным светом сомнение, Вкрадывалась в лоно земной тверди.
Приносила прошлому – упокоение, От мук суровых, вездесущей
смерти. Открывая дорогу новому семени, Прягала его в почву
от дурного взгляда, Дабы, когда пробьет нужный час времени,
Возродиться смог – зеленью сада.

Бабочка

Я словно мотылек в крошечной тьме ночи, Ступаю к пламени, презревший грань последствий. Сквозь паутину лжи, где скрылись палачи, Порой барахтаюсь и думаю о бегстве. А свет так манит, где-то там, вдали...

И я борюсь за жизнь, мечтая о свободе, Ведь дух ее, живет в моей крови

По зову сердца или же природе. Я продолжаю биться за свою мечту И чувствую нутром, как рвутся сети. Иной же видит в этом суету, Мне душу вбив булавкой, словно дети. Но я свободен и опять лечу И каждый взмах крыла – вселяет счастье. На встречу к пламени и яркому лучу, К моей мечте или безумной страсти. Пархают крылья и все ярче свет, Такой желанный и чарующе-прекрасный... Теперь я чувствую, что я нашел ответ И моя жизнь, уж не была напрасной.

Христово отвращение

Мироточат иконы, глядя на Мир дьяволом меченный. Христос, как голландский сыр, ранами насквозь изувеченный, Размышляя плачет, просит за нас у Бога прощение, А у самого на душе, кошкой скребет отвращение. Слова вылетают из уст, разлетаясь горохом об стену. От толпы лишенной всех чувств, порабощенных навеки системой. Для чего погибал, чтоб снимали теперь по мне мюзикл?

На Мальдивах, режиссер отдыхал, от спиртного наращивал пузико?

Чтоб стремился мужчина теперь, напоказ стать убогою девушкой, А девицы лишь алчно глядят и любить хотят только за денежку?

Ради этого жизнь я отдал, ради этой свободы я горбился?

Чтоб в грехе каждый отпрыск людской бестии адскою уподобился?

Как обрыгло мне, лицезреть их порочное дикое поприще!

Без раскаяния рай вам подать? А не много ли просите? Вот еще!

Пользуетесь моей добротой, для себя в ней увидели слабости,

Человеколюбие мое служит нынче лишь умножению гадости!

Как же тошно мне, на душе уж муторно бесконечно, На каждое учтивое слово, без стыда плюют встречно. Похоть сменила любовь, изгрызла червями распада, А мне продолжать молиться за вас? Уж больно то оно надо.

Тревога

Остановился на миг... дыхание мое сбито, Тревога с волчьим оскалом грызет душу. Страшно остаться у разбитого корыта, Но еще ужаснее, если слово нарушу. Постоял в тиши, давит на виски беззвучие. Лишь сердце продолжает монотонную дробь. Что стоит, мнимое, пустое, благополучие, Если я тебя, больше, не увижу вновь!?

Рыдают ангелы, скорбят со мной вместе, Бесы же играют по нервам струнами. С каждой новой секундой полнее их песня, И моя голова от тревог все безумнее!

Вроде ответила, сверкнул луч надежды – Жива, здорова, сердце сразу в унисон ликует. Но чувствую, что-то не так, как и прежде...

А душа моя плачет, изнывая, тоскует. Взял, если б смог, поверь мне, все горести

И юдоль суровую, в обмен на твое счастье. Ни секунды не думая, говорю по совести

Искренно, чтоб на этом месте пропасть мне!

Моей любимой

Как много я хочу тебе сказать, мой ангел
Уста дрожат, как пламя дуновением ветра. А я плыву по времени
течению, словно Врангель
И понемногу до тебя, вновь, сокращаю метры. Мне не забыть тебя,
мечта души и сердца, Ведь все желания связаны с тобою. И стук
в груди по телу в Мегагерцах, Любовь мою разносит с теплотою.
И мне не нужно крыл, чтобы взлететь, Достаточно того, чтоб ты
прижалась рядом. Я не боюсь от чувств к тебе сгореть, Ведь
день с тобой, не заменить и райским садом. Моя душа, очарование,
искушение, любовь...
Нет слов таких, чтоб выразить все чувства. О, Боги! Как ты
будоражишь кровь!
Сводить меня с ума – твое искусство. Люблю тебя, сгорает сердце
пылкой страстью, Все мысли о тебе и день и ночь!
Я твой навечно, под твоею властью, И твоего очарования, мне
впредь не превозмочь.

Пламя любви

Он сидел у костра, темным вечером с пристальным взглядом
В нежной пляске огня для себя отыскал волшебство. И казалось,
что ангелы божие пели гимн хором, Проникая сквозь сердце
в само естество. И подкинув костру, приготовленных веток,
С умилением почувствовав в теле тепло, Молодея в годах,
прекратив отмирание клеток, Ведь в душе, наконец, становилось
светло. Вторя, огонь вспылал с небесами на равных
И сжигал все сомнения и страхи дотла. Так бывает, когда
обретаешь, тех главных, С кем судьба своей нитью искусно
свела. И тогда, пиромант в нем безумный открылся, Ведь сгореть
не боялся, желая всем сердцем сиять. Потому что, в нее, как никто
он влюбился, И то пламя любви, невозможно унять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.